

Император едва успел договорить, как двое стражников с обнаженными мечами шагнули вперед и выволокли наследного принца, который, опустившись на колени, казался почти лишившимся рассудка от страха. Принц лишь непрерывно выли и рыдал, причитая:

— Отец-император... сын твой... я невиновен!

Император в последний раз бросил взгляд на наследника и тяжело закрыл глаза.

Он не был уверен, отравил ли его принц, но в тот момент, когда после слов о лишении титула принц не предпринял никаких действий, император точно понял — это не его рук дело. Впрочем, если бы принц действительно попытался его отравить, император, пожалуй, даже был бы готов передать ему трон. В конце концов, он и сам в свое время взойшел на престол, убив брата и заточив отца. Было ли это возмездием или нет, это лишь доказывало, что принц обладает решимостью и способностями, достойными государя. Однако поведение принца, который при отравлении его собственного отца лишь бессильно взывал к своей невинности, вызвало у императора лишь глубочайшее разочарование.

Даже сейчас, когда он был при смерти, даже когда принц вот-вот должен был взойти на трон, после слов о низложении никто из чиновников не вышел вперед, чтобы просить за него. А ведь принц занимал свое место не день и не два, а целых шестнадцать лет.

Зачем оставлять такого безнадежно глупого, не пользующегося поддержкой наследника? Неужели для того, чтобы он развалил империю, которую император с таким трудом созидал? Он ни за что не отдаст трон такому никчемному сыну, и чиновники молчаливо с этим согласились. Но кому тогда передать власть?

Третьему принцу, который годами боролся с наследником? Шестому, который всегда был с ним искренен и почтителен? Или, может, посредственному четвертому, бездарному пятому или вечно всем недовольному седьмому?

В небольшом павильоне.

Хотя принц и обещал не трогать их троих в течение пяти дней, еды он не дал, как и воды. Под охраной многочисленных солдат они не могли выбраться наружу, чтобы найти пропитание.

Их состояние оставляло желать лучшего. Се Цзыци, которого продержали привязанным к стулу всю ночь, пострадал больше всех: губы его потрескались и побелели, горло пересохло, а сил не хватало даже на то, чтобы поднять руку. Су Ушан крепко поддерживал его.

Лю Цзию, стоя на коленях рядом с Цзыци, охватило отчаяние, но даже слезы высохли, не успев пролиться.

Веки Се Цзыци наконец тяжело сомкнулись. Спустя некоторое время он открыл глаза и спросил Су Ушана:

— Который час?

Су Ушан молча подсчитал и ответил:

— Полдень, третья стража.

Уголки губ Се Цзыци дрогнули в улыбке.

— Скоро мы выберемся.

Су Ушан сжал руку Се Цзыци:

— Не говори больше ни слова. — Он отвел взгляд, чувствуя, как сжимается сердце, и не мог не винить себя: если бы не он, Цзыци не оказался бы в таком положении.

Се Цзыци, словно прочитав его мысли, сжал его ладонь в ответ. Су Ушан молча встретился с ним взглядом и кивнул.

Тем временем во дворце Тайхэ. Внезапно снаружи послышался четкий, слаженный топот марширующих ног.

Все в одно мгновение напряглись, сердца подкатили к горлу, и только Лю Уцзи почувствовал, как огромный камень упал с его души. Он взглянул на спокойное лицо третьего принца и ощутил облегчение.

В наступившей тишине зала негромкие слова третьего принца врезались в память каждому, словно высеченные на камне:

— Если отцу-императору трудно принять решение, сын готов взять эту ношу на себя.

Третий принц взмахнул рукой, и те самые шестеро стражников, что ходили за лекарем, распахнули двери зала. В тот же миг бесчисленные солдаты ворвались внутрь.

Третий принц слегка улыбнулся чиновникам, которых окружили воины:

— Кажется, моих намеков оказалось недостаточно?

Лю Уцзи тут же примкнул к лагерю третьего принца и принялся отдавать приказы престарелым сановникам. Те в ужасе переглядывались. Старейшие из них невольно вспомнили

события многолетней давности — всё было точно так же. Они встретились взглядом с императором, который бессильно осел на трон: когда-то давно, будучи еще принцем, нынешний государь вместе с ними, тогда еще молодыми, совершил точно такой же переворот. Небесное правосудие свершилось — теперь пришла их очередь испытать эту чашу.

Когда к их шеям приставили мечи, старики закрыли глаза.

В этот момент император, который, казалось, уже не мог вымолвить ни слова, внезапно поднялся во весь рост и, глядя на солдат, властно произнес:

— Прекратить!

Четыре слова прозвучали невероятно четко и весомо. Чиновники, стоявшие внизу, зарыдали от счастья, а третий принц с изумлением уставился на отца.

Император ответил ему холодной усмешкой:

— Достоин своего отца.

Третий принц замер на мгновение, а затем парировал:

— Не смею подвести многолетнее воспитание отца-императора, просто я оказался чуть лучше наследника.

— Ты настолько затаил обиду? Я был к тебе милостив.

— А почему тогда ты заставил меня покинуть Цзинхуа? Почему матушка никогда не относилась ко мне так, как к наследнику? Почему? — третий принц выкрикнул вопрос, полный горечи и гнева, словно ему был жизненно необходим ясный ответ.

По щеке императора беззвучно скатилась слеза.

— Я хочу спросить лишь одно: ты убьешь меня?

Третий принц опустил голову, в последний раз посмотрел на императора и одарил его печальной улыбкой:

— Отец-император, нет. — Он все-таки не смог решиться на этот шаг.

Император с облегчением кивнул:

— Я знал, что ты дорожишь нашей кровной связью. Путь к трону через мятеж — не лучший выбор. Я всю жизнь трудился, не покладая рук, не смея оступиться, но мне суждено нести на себе клеймо убийцы брата и тюремщика отца. И это не просто на один век — это позор в веках. Никакая добрая слава не перекроет этого пятна. Все потомки будут знать, как я взошел на

трон. Я знаю, каково это, и не хочу, чтобы ты прошел через подобное.

— Сын мой, подойди. Я низложил наследника, и теперь хочу передать тебе трон по праву. Иди сюда, вот Нефритовая печать. Возьми ее, ты должен крепко держать в руках мою империю.

Император достал печать и подозвал сына. Лю Уцзи, сияя от радости, поторопил третьего принца. Тот, глубоко тронутый искренними словами отца, без колебаний шагнул вперед.

Император схватил его за руку и вложил печать в ладонь:

— Сын мой...

— Отец... ты? — Третий принц прижал руку к груди, откуда потоком лилась кровь, и, пошатнувшись, рухнул на колени, с невыразимой печалью глядя на императора.

Оказалось, что пока император передавал печать, он неожиданно выхватил спрятанный короткий кинжал и нанес сыну удар.

Печать выскользнула из рук принца и покатилась по полу, остановившись у ног императора. Тот наклонился, поднял ее и посмотрел на сына:

— Сын мой, если бы ты не подошел, трон все равно достался бы тебе. Но ты подошел — значит, ты жаден, но недостаточно жесток. Я всегда знал, что, хотя ты и боролся с наследником, твое сердце не лежало к власти. В тебе таилась обида, ты отравил меня — я не виню тебя, но и простить не могу.

— Ты не убил меня, и я не убью тебя, — тихо сказал император.

Затем он хлопнул в ладоши, и вошедшие стражники разоружили солдат в зале.

— Довольно. Все по домам, расходитесь.

Так завершился этот праздничный пир, оставив всех чиновников в холодном поту.

А в павильоне Се Цзыци медленно открыл глаза и снова спросил:

— Который час?

Су Ушан ответил:

— Час Обезьяны, третья стража.

Се Цзыци кивнул.

В этот момент снаружи поднялся шум. Ворвались солдаты. Оказалось, что император издал указ о низложении наследника, все его имущество подлежало конфискации, включая этот павильон. Су Ушан и Лю Цзию, поддерживая Се Цзыци, вышли наружу.

Спустя три дня они вновь увидели дневной свет. Ноги Се Цзыци подкосились, он чуть не упал на колени, но, увидев Янчжи, с чувством облегчения провалился в сон.

Когда он снова открыл глаза и сделал глоток воды, нефритовый браслет на его руке ярко вспыхнул.

[Идет расчет баллов за «Карателя подонков»...]

[Лю Уцзи — 60, Наследный принц — 80, Третий принц — 80, Император — 100. Итого: 320 баллов.]

[Клан Се, более трехсот человек — 7000 баллов.]

[Золотая молодежь столицы, более трех тысяч человек — 3500 баллов.]

Общий итог: 10 820 баллов.

[Дополнительно: за наказание более сотни коррумпированных чиновников: за каждого, кто погубил невинных — 100 баллов, за каждого, кто несправедливо осудил — 50 баллов, за бездельников на постах — 20 баллов. Итого: 5 575 баллов.]

[Дополнительно: за «мучение» талантов империи, более десяти тысяч человек, по 10 баллов за каждого — 100 000 баллов.]

Итого: $10\,820 + 5\,575 + 100\,000 = 116\,395$ баллов.

С учетом прошлых 104 300 баллов, общий баланс составил 220 695, округленно — 221 000 баллов.

[Поздравляем! Вы набрали более 200 000 баллов и стали первой Системой, обретшей физическую форму. Продолжайте в том же духе вместе с Хозяином, гамбаттэ!]

Над головой Системы «Каратель подонков» взорвался фейерверк, и бесчисленные баллы превратились в ослепительный золотой код, который закручивался в бесконечные узоры, пока не исчез. Счет обнулился.

Не успела Система прийти в себя, как Система Наложницы воскликнула:

— Она обрела форму?!

«Каратель» все еще пребывал в шоке:

— Кто обрел форму?

Система Наложницы:

— Дура, ты сама!

Система услышала собственный голос. Она в изумлении указала на себя: «Я?» Она обнаружила, что поднесла лапку к носу. За первоначальным шоком последовал восторг. Она начала кувыркаться внутри браслета, врезаясь в стенки, но не переставая ликовать.

Другие системы втайне завидовали и ненавидели, презрительно фыркнув в ее сторону.

Кто-то из систем открыл барьер, и Цзыци, подняв руку, увидел в браслете маленького, юркого котенка, который прыгал во все стороны. Он щелкнул котенка по носу.

Система:

— Кто? Кто тронул меня за голову?

Цзыци:

— Я.

Перед лицом своего величайшего благодетеля, которому она была ничем не полезна, да еще и присвоила все баллы, Система мгновенно превратилась из взъерошенного комка в послушное создание: вытянула передние лапки и с поклоном сложила их.

Се Цзыци погладил ее по шерстке:

— Значит, можешь принимать форму кошки?

Система тут же приняла умильный вид и тихо объяснила:

— Когда баллы достигли цели, я превратилась в кошку... Я сама не знала, я не хотела присваивать баллы...

— Баллы для того и нужны, чтобы их тратить. В образе кошки ты выглядишь куда приятнее. — Терпимость Цзыци к кошачьей форме была значительно выше. — Малыш Сяо Чжа.

Система тут же замигала глазами, стараясь выглядеть мило. Система Наложницы презрительно усмехнулась:

— Ха, бесстыдство.

Система Второстепенной героини:

— Еще бы, это же больше двухсот тысяч баллов! Прошлые хозяева и тридцати баллов не хотели отдавать.

Система Антагониста:

— Мне и двадцати не давали.

Система Славы:

— Поддерживаю.

Остальные системы в унисон:

— Согласны!

Система Очарования тихо закрыла барьер, и внутри браслета кошачья форма «Карателя» подверглась всяческому издевательствам со стороны сородичей.

— Такого щедрого хозяина мы давно не видели, а ты, паршивка, получила двести тысяч баллов и сразу превратилась, сейчас мы тебя проучим!

Янчжи, видя, что Цзыци пришел в себя и чувствует себя неплохо, вкратце обрисовал события в Цзинхуа.

Оказалось, что в день рождения императора он заточил низложенного наследника и третьего принца в двух заброшенных дворцах, а помощник третьего принца, левый премьер Лю Уцзи, был отправлен в ссылку. Бесчисленное множество чиновников, замешанных в деле, были казнены или сосланы, вскрылось множество коррупционных схем, и в Цзинхуа воцарилась тишина.

А сам Янчжи, пожалуй, оказался единственным, кто выиграл от всего этого. Единственный, кто вознесся на вершину: из простого советника в рушащейся резиденции премьер-министра он стал учителем шестого принца, лично назначенным императором.

Янчжи взял белую фишку и поставил ее на доску, улыбаясь:

— Твой подарок был поистине щедрым.

Тогда, придя к шестому принцу с пакетом, он думал, что это и есть подарок Се Цзыци. Позже, когда узнал о трех пунктах государственной стратегии, решил, что это и есть истинный дар. А потом, раскрыв шелковый мешочек и найдя там записку, понял, что же на самом деле задумал Цзыци.

Это было лекарство, продлевающее жизнь императору, который должен был умереть через три-пять дней, еще на полгода. Это был дар спасения жизни.

Когда празднование завершилось, он понял: ни спасение жизни императора, ни стратегия, ни даже спасение его самого из тонущей резиденции — не были главным даром. Истинным даром было место учителя будущего императора.

Се Цзыци:

— Не стоит благодарности.

Янчжи внезапно усмехнулся:

— Правда? — После дня рождения, каждый раз вспоминая тот день, он чувствовал себя словно в клетке, под чьим-то контролем. Он много раз прокручивал все в голове и был вынужден спросить: — Все это было спланировано тобой? — Меньше двадцати лет, без официального поста, и он смог заставить всех, включая императора, войти в свою игру. Каков же масштаб этого стратега? Сердце, глубокое как море, или...

Янчжи спросил уклончиво, но Цзыци ответил прямо:

— Да.

Цзыци поставил черную фишку на доску:

— Достаточно было одной картины.

От заимствования картины в храме Наньшань, до внесения ее в резиденцию премьеры, использования ее как приманки для наследника, отравления императора, падения резиденции и упадка клана Се — все это стало возможным только потому, что он сам вышел из игры, остался в стороне, наблюдателем.

Янчжи горько улыбнулся: неужели всего лишь картина? Сколько расчетов было вложено в нее? Как достать подлинник, как подделать, как запутать следы, как расставить ловушки — каждый шаг был доведен до совершенства. Такой метод под силу лишь Се Цзыци, кто еще в мире смог бы повторить подобное?

Янчжи не удержался и спросил:

— Та картина, которую сожгли в день рождения императора, была настоящей?

Цзыци ответил без колебаний:

— Поддельной.

— Какие у тебя планы на будущее? — спросил Янчжи уже как друг.

— Нужно уладить кое-какие дела.

— Шестой принц хочет тебя видеть, — спросил Янчжи как учитель будущего императора.

— Не нужно. Скажи ему: когда вернусь из Цзяннани, тогда и стану его учителем.

Сказав это, Се Цзыци опустил черную фишку:

— Ты проиграл. — Он равнодушно поднялся, не обращая внимания на Янчжи, который остался сидеть с мертвенно-бледным лицом.

Передав девятую и десятую главы своей истории в книжную лавку Лунмэнь для публикации в газете «Цзинхуа», Се Цзыци вместе с Лю Цзию вернулся в резиденцию премьер-министра.

По сути, поместье уже было конфисковано. У Лю Уцзи не было законной жены, после его ссылки наложницы забрали деньги и драгоценности и ушли, а бывшие второй и третий сыновья премьера получили несколько полей и домов, чтобы как-то существовать. Лишь Лю Цзию не имела ничего, но, к счастью, она была мала и не попала в списки на арест.

На закате Лю Цзию, не взяв с собой ничего, обернулась, посмотрела на поместье, но в ее сердце больше не было волнения. Она не осталась ни с чем — у нее остался учитель, и этого было достаточно.

— Учитель, куда мы идем?

— Мы возвращаемся в Цзяннань.

Лю Цзию, не совсем понимая, кивнула.

Пять дней спустя, в сумерках, Се Цзыци с Лю Цзию стояли у ворот поместья Се.

От былого величия остались лишь иероглифы на табличке. Поместье, строившееся столетиями, было продано, слуги разогнаны, и оно превратилось в пустую оболочку. Се Цзыци вошел прямо в кабинет Се Цзиньчжи, не боясь больше никаких «осуждающих взглядов».

Члены клана Се, увидев его, остолбенели и потянулись следом, начав кричать лишь у самого кабинета. С тех пор как клан оказался замешан в скандале с экзаменами, он попал в опалу, и возрождение его было делом далекого будущего.

Услышав свое имя, Се Цзиньчжи вышел из кабинета. Прежний статный глава клана превратился в обычного, измученного жизнью человека.

— Цзыци, ты жив?

Се Цзыци прошел с Лю Цзию в кабинет. Никто не знал, о чем они говорили в течение часа, но когда в лучах заката Се Цзыци покинул поместье, с ним была восьмилетняя дочь Се Цзиньчжи.

В Цзяннани вскоре узнали, что старое поместье Се исключило из своего рода Се Цзыци вместе с его биологическим отцом и главой клана.

Еще через пять дней Се Цзыци, держа за руки Лю Цзию и Се Ужо, вернулся в Цзинхуа.

В это время столица была потрясена статьей в газете. В ней рассказывалось об ученом, который сдал экзамены на высший балл, но был ложно обвинен и брошен в тюрьму. История, прерванная на самом интересном месте двадцать дней назад, вдруг получила продолжение. Читатели с ужасом осознали, что причиной преследований была литературная инквизиция. Это напомнило всем о недавнем скандале с экзаменами. Множество ученых подписали петицию с требованием возобновить экзамены.

В этот момент Се Цзыци вошел во дворец. Три дня спустя он с императорским указом отправился в тюрьму.

— Маленький старший брат, как ты здесь оказался? — лицо Чжао Бинжуй было бледным, но стоило ему увидеть Цзыци, как его глаза вспыхнули ярким светом.

Се Цзыци сунул ему в руки указ:

— В следующем году снова сдашь на высший балл.

Сказав это, он ушел. Чжао Бинжуй смотрел ему вслед, не зная, что это их последняя встреча.

С этого дня Цзыци официально стал учителем шестого принца, а Лю Цзию и Се Ужо — его соучениками.

Меньше чем через полгода император скончался, и шестой принц вззошел на трон. Се Цзыци в одиночестве покинул дворец с императорским указом в руках.

Ли Шэн, ставший императором, стоял на самой высокой точке столицы, глядя, как фигура его учителя становится все меньше, пока не превратилась в крошечную точку, и слезы невольно залили его лицо.

Ли Шэн тихо прошептал:

— Один порождает два, два порождают три, три порождают все сущее, а все сущее возвращается к одному.

Маленький евнух, глядя на своего возмужавшего господина, тоже был полон чувств.

Се Цзыци подошел к полуразрушенному дворцу. Стена отделяла его от третьего принца. Цзыци громко зачитал указ.

Долгое время в ответ слышался лишь хриплый голос принца:

— Цзыци, это ты выпросил для меня этот указ?

Цзыци замер:

— Твое сердце не стремилось к трону, зачем же запираешь себя в этом прогнившем дворце? Мир широк, однажды ты найдешь то, что ищешь.

Прошло много времени, шаги Цзыци давно стихли, прежде чем третий принц беззвучно заплакал.

Цзыци покинул дворец и направился в храм Наньшань.

<http://bllate.org/book/19854/1954665>